

Принцип реставрации западных артефактов — это их различимость. Иными словами, они считают, что отреставрированная часть и сам артефакт должны чётко отличаться друг от друга: издали разницы не заметно, но при внимательном осмотре видны явные следы вмешательства. Поэтому, профессор Мо Вэнь вывел на экран изображение, это древняя картина, восстановленная по западным канонам. Подобные заплатки и необратимая реставрация — крайне распространённый у них подход. В то же время отечественный принцип заключается в том, чтобы «восстанавливать древнее как древнее», требуя, чтобы реставрация бесконечно приближалась к оригиналу. Так что состаривание — вечная тема в деле восстановления культурных реликвий.

Жэнь Цзысянь набралась смелости и подошла к профессору Мо Вэню только после окончания лекции, когда все разошлись.

— Ты та самая студентка, которую прислали из Фэнцзина? — профессор Мо Вэнь окинул Жэнь Цзысянь взглядом с ног до головы и распорядился: — Ли Шаншан, отведи её вниз, пусть потренируется на бумажных склейках.

Под «бумажными склейками» подразумевалось следующее: берутся два листа тонких, как крыло цикады, листов сюаньской бумаги, склеиваются вместе, а когда они полностью высыхают, их начинают миллиметр за миллиметром разделять.

Стоит чуть отвлечься — и проткнешь бумагу насквозь. А вокруг полно реликвий куда масштабнее обычной бумаги. Если не можешь сконцентрироваться и контролировать силу рук, никаких денег не хватит выплачивать ущерб.

Занятие скучное и нудное, но абсолютно необходимое для выработки твёрдой руки.

Поэтому закалка характера — это всегда первый урок для любого мастера по реставрации книг и живописи.

Ли Шаншан, та самая старшекурсница в очках, немного подумав, поняла, что профессор не благоволит к Жэнь Цзысянь.

Причин она не знала, но отношение профессора было предельно ясным.

Хотя до откровенных издевательств дело бы не дошло, подкинуть Жэнь Цзысянь стопку белой бумаги для разделения было для неё проще простого.

С тех пор профессор Мо Вэнь словно забыл о её существовании, больше никак не распределяя её нагрузку.

Помимо обычных профильных занятий, вся её практическая работа сводилась к тому, чтобы сидеть в обнимку со стопкой белой бумаги и разделять её слои.

Видя, что она всё ещё возится с бумажными склейками, профессор Мо Вэнь поинтересовался:

— Сколько ты уже этим занимаешься?

— Месяц.

Профессор Мо Вэнь мгновенно всё понял: судя по всему, старшие студенты решили над ней поизмываться.

Обычно на тренировку с бумагой уходит всего несколько дней, но, вероятно, заметив, что профессор не придаёт Жэнь Цзысянь значения и даже смотрит на неё косо, остальные решили пойти на поводу у обстоятельств.

И надо же такому случиться — Жэнь Цзысянь не только не стала устраивать скандал, но целый месяц тихо и послушно разделяла бумагу.

— Как тебя зовут?

Услышав вопрос профессора Мо, Жэнь Цзысянь назвала своё имя и добавила:

— Я только что перевелась из Фэнцзина.

— Фэнцзин... — профессор Мо задумался. — Ты та студентка, которую направил профессор Юй?

При этих словах лица окружающих заметно изменились: всем было прекрасно известно, что, хотя обе организации занимались археологическими исследованиями, Яньский университет пользовался долгосрочной финансовой поддержкой таких корпораций, как Линь, в то время как Фэнцзин сидел на мели.

Профессор Мо окинул Жэнь Цзысянь взглядом: чёрные, блестящие прямые волосы спадали на плечи, пара миндалевидных глаз поражала чистой ясностью; сидя в самом неприметном углу, она всё равно умудрялась привлекать к себе внимание.

— Пойдём со мной. — Профессор Мо Вэнь вытащил из стопы ещё не отреставрированных народных картин одну и велел: — Расскажи, как её следует реставрировать?

Жэнь Цзысянь взяла в руки лист с каллиграфической надписью. Основа картины была повреждена настолько сильно, что малейшая неосторожность грозила полным разрушением и осыпанием.

Ещё хуже было то, что её поверхность покрылась белыми пятнами плесени, а трещины в деталях и вовсе не поддавались счёту.

В реставрации древних картин ценится принцип «промыть, отделить, восполнить, дорисовать», при этом главными этапами считаются именно отделение основы и восполнение утрат.

Обычный реставратор с первого же взгляда на древнюю живопись может оценить объём работы.

Но глядя на эту в плачевном состоянии народную картину, казалось, что конца и края этой работе не видать ещё как минимум полмесяца.

Ты ревнуешь

Хрупкость основы зашла слишком далеко: глубокая трещина разрезала изображение надвое, а подложка намертво слиплась с живописной основой. Жэнь Цзысянь внимательно осмотрела место соединения основы и подложки. При такой степени сцепления малейшая небрежность приведёт к повреждению лицевой стороны.

— И как же ты собираешься её отделять? — спросил профессор Мо. — Каким методом?

Несколько старших студентов тоже обступили их. Перед началом работы профессор всегда устраивал им такой допрос с пристрастием — главным образом для того, чтобы заставить их действовать с предельно ясной головой.

Эту картину они прекрасно помнили: один из старшекурсников завалил по ней своё учебное задание.

Все еще помнили, как профессор Мо прямо заявил тому студенту: «Эту картину ты восстановить не сможешь».

И вот теперь эту же работу достали в качестве проверки для новенькой.

Тот самый старшекурсник приподнял бровь: раз уж даже он оказался бессилен перед этой картиной, сможет ли с ней справиться зелёная новичка?

Не успел он открыть рот, чтобы замолвить словечко за младшекурсницу, как Жэнь Цзысянь произнесла:

— Можно обойтись без отделения. Подложка повреждена не сильно, а пятна плесени на поверхности — это всего лишь незначительная синяя плесень. Основа и подложка слишком сильно срослись, и если попытаться содрать её силой, это приведёт лишь к еще большим

разрушениям.

Профессор Мо Вэнь кивнул, а Жэнь Цзысянь продолжила:

— Если владелец картины непременно требует избавиться от плесени, можно использовать химическую промывку.

— Какими именно растворами?

— Спирт, щавелевая кислота, марганцовка... Смотря что потребуется для конкретно этой картины, — ответила Жэнь Цзысянь. — Впрочем, я бы тоже не стала легкомысленно браться за неё.

Проваливший задание старшекурсник мысленно фыркнул, презрительно подумав: и впрямь студентка, от которой отказался Фэнцзин. Он холодно бросил:

— И это по-твоему реставрация?

— Всё дело в авторе этой работы, — покачала головой Жэнь Цзысянь. — Каждый раз, реставрируя картину, как бы мы ни старались состарить её в точности с оригиналом, это уже будет не то самое полотно, что было создано изначально.

— Да что ты знаешь об авторе... — старшекурсник, не веря ей, с явным пренебрежением полез проверять информацию. — Это же старый мастер Гу Лян...

Все вокруг шумно втянули воздух. Гу Лян был художником, жившим чуть больше века назад, он мастерски писал пейзажи, цветы и птиц, однако всю бумагу для своих картин изготавливал по специальному заказу своей жены.

Мало того, что в наши дни уже не существовало точно такой же старинной бумаги, так еще и не удавалось найти даже близких по составу материалов для заплаток.

В результате не только слегка заплесневелая основа, но даже порванная и изрешеченная тыльная бумага становились абсолютно незаменимыми деталями.

Как живописец он, безусловно, стремился к безупречности, но для реставраторов он был сущим кошмаром.

Один из профессоров уже пытался взяться за починку, но на одно лишь изготовление бумаги, хоть отдаленно напоминающей оригинал, ушло колоссальное количество сил.

Если бы этот старшекурсник захотел довести работу до конца, ему бы понадобилось не меньше полугода, а то и больше.

— Тыльная бумага здесь прогнила настолько сильно, что если начать её трогать, она просто рассыплется, — Жэнь Цзысянь легко провела пальцем по краям полотна. — Заменять её тоже нельзя. Это как корабль Тезева, детали которого непрерывно заменяют: до тех пор, пока вы не замените самую первую прогнившую доску, он не превратится во что-то иное. Данная картина пока не требует столь рискованных мер.

— Корабль Тезева? — старшекурсница и старшекурсник переглянулись.

Это был классический философский парадокс: корабль может плавать в море столетиями благодаря постоянному ремонту и замене деталей.

Стоит какой-то доске сгнить, её тут же меняют на новую, и так до тех пор, пока от первоначального судна не останется ни единой детали. Остаётся ли этот корабль тем же самым кораблем Тезева или это уже совершенно другое судно?

И если это уже не прежний корабль, то в какой именно момент он перестал им быть?

Загадка эта столь известна, что ей посвящено немало философских трудов.

Жэнь Цзысянь пояснила:

— Каждая составная часть этой картины — уже сама по себе культурная ценность. Работы мастера Гу Ляна ценятся именно благодаря этой уникальной бумагоделательной ручной работе. Если заменить её, то корабль Тезева перестанет быть тем самым кораблем.

Профессор Мо Вэнь улыбнулся:

— Однако мы здесь не разгадываем загадки, да и плотники в своей работе не вдаются в столь глубокие материи.

Жэнь Цзысянь аккуратно свернула картину:

— Это лишь мои скромные соображения.

Профессор Мо Вэнь окинул её долгим взглядом:

— Пожалуй, теперь я начинаю понимать, почему профессор Юй так настаивал на том, чтобы отправить тебя именно ко мне. Долг реставратора таков: коли нет рядом великого мастера,

сбереги хотя бы древний артефакт. К этим старым вещам нужно относиться с благоговением.

Сказав это, он бросил косой взгляд на того самого старшекурсника, чьё лицо мгновенно залилось краской — очевидно, до такой мысли он сам не додумался.

— Ладно, — профессор Мо Вэнь хлопнул в ладоши. — Время вышло, прибирайте рабочие места и собирайтесь домой. В понедельник жду вас с новыми темами — только попробуйте заставить меня напоминать вам. Да, Жэнь Цзысянь, с сегодняшнего дня будешь заниматься под моим началом.

Остальные студенты невольно шумно втянули воздух и переглянулись, а лица некоторых старшекурсников сделались откровенно кислыми.

Работать над практикой напрямую у профессора Мо означало получить доступ к самому передовому оборудованию и приборам, что существенно облегчало путь к достойным результатам.

А если приглянуться профессору, открывался шанс даже прикоснуться к национальным музейным фондам...

О подобной возможности рядовые студенты не смели и мечтать даже после четырёх лет обучения.

Жэнь Цзысянь на мгновение замерла, но тут же кивнула в знак согласия, словно не замечая завистливых взглядов остальных учащихся.

В старом особняке семьи Линь с самого вечера моросил мелкий дождь, постепенно грозящий перерасти в настоящий ливень.

Чем гуще становились капли, тем сильнее беспокоилась экономка. Она постучала в дверь госпожи Линь:

— Госпожа, молодой господин прождал на улице уже полные пол ночи, может, вы всё-таки уделите ему пару минут?

В ответ из комнаты донёсся звук разбиваемого стекла и гневный окрик:

— Пусть катится к чертям! И пусть больше не смеет попадаться мне на глаза!

Экономка, чувствуя собственную беспомощность, покачала головой, глядя через окно на застывшую внизу неподвижную фигуру Линь Цинсуна.

— Линь Цинсун, нам пора ехать? — осторожно поинтересовался Ван Ци, держа над ним зонт.

Лицо Линь Цинсуна было мрачнее тучи, и лишь спустя долгое время он процедил сквозь зубы:

— Открывайте ворота.

Ван Ци не смел медлить и тут же велел охране распахнуть ворота усадьбы.

С ног до головы пропахший сыростью, Линь Цинсун пинком распахнул дверь в комнату Чжу Цзинлань и замер: внутри царил полный разгром.

Чжу Цзинлань сидела у заколоченного наглухо окна и отсутствующе смотрела наружу, словно оплакивая что-то из прошлого.

Осколки битого стекла устилали пол так густо, что ступить было практически некуда.

Линь Цинсун стряхнул с себя мокрое пальто, отбросил его в сторону и глухо бросил:

— Мам, долго ты еще собираешься сходить с ума?

Эти слова мигом выдернули Чжу Цзинлань из оцепенения. Увидев сына, она на секунду обрадовалась, но её тут же захлестнула новая волна ярости.

Она швырнула в Линь Цинсуна тонкое одеяло:

— Убирайся! Не хочу тебя видеть!

Линь Цинсун небрежно отбросил подушку себе под ноги, и в его голосе прозвучал холод:

— Если бы твой младший сын не был мёртв, думаешь, мне сильно хотелось бы на тебя смотреть?

От этого напоминания Чжу Цзинлань вздрогнула, схватилась руками за голову и зашлась в истерике:

— Тебе радостно, что твой брат умер, да?! И отец молчит! И ты молчишь! А ведь он тогда так долго боролся за свою жизнь...

Линь Цинсун проигнорировал потоки её слёз:

— Если ты запомнила, я могу освежить твою память: Линь Сюэди мёртв. Это был несчастный случай. Прошло уже четыре года.

— Это не случайность, не случайность... — Чжу Цзинлань судорожно и тяжело дышала, словно её вмиг лишили кислорода.

Сколько бы ни существовало доказательств того, что гибель Линь Сюэди была банальным несчастным случаем, Чжу Цзинлань отказывалась в это верить.

Она упрямо твердила, что это было спланированное убийство, и Линь Цинсуну приходилось подыгрывать ей.

— Если хочешь дожить до того дня, когда твой любимый сын будет отмщен, возьми себя в руки, лечись и постарайся протянуть еще пару лет.

Не обращая внимания на рыдания матери, Линь Цинсун развернулся и вышел.

— Молодому господину приготовить сухую одежду? И как там госпожа? — засуетилась экономка. — Ума не приложу, как она умудрилась проскользнуть в гостевую спальню, пока я отвлеклась.

— Снимите все замки на дверях в доме. Если повторится нечто подобное, ломайте двери силой,
— Линь Цинсун помедлил секунду и всё же задал вопрос: — Она всё еще готовит?

— Готовит. Тушёный морской окунь, тушеные абалоны... Крутит одни и те же блюда по кругу,
— вздохнула экономка.

Линь Цинсун холодно усмехнулся:

— Всё это любил Линь Сюэди. Похоже, она давно забыла, что у неё есть ещё один сын.

Экономка посмотрела ему вслед со сложным выражением лица, а Линь Цинсун широким шагом вновь вышел под потоки проливного дождя.

Жэнь Цзысянь долго шарила у порога, пытаясь нащупать ключи от новой квартиры, и в конце концов позвонила Ван Ци:

— Здравствуйте, это Жэнь Цзысянь, я забыла ключи...

Щелк. Дверь распахнулась снаружи. На пороге стоял Линь Цинсун в одном халате, с капельками воды, стекающими по щекам и мужественной груди, нахмурившись и с

недовольным выражением на лице.

Как бы сильно он ни был загружен делами, он никогда не забрасывал тренировки, и рельефные мышцы торса угадывались под мягкой тканью халата.

Жэнь Цзысянь, всё еще сжимавшая в руке телефон, никак не ожидала, что дверь откроется так быстро, и невольно отшатнулась на шаг назад.

Но в следующую же секунду испуг сменился радостью: она бросилась в объятия Линь Цинсуна, и в её голосе зазвучали ласковые, интимные нотки:

— Ты вернулся?

Линь Цинсун крепко прижал её к себе, и накопившаяся за день хмурость внутри него вмиг рассеялась.

— Какими судьбами ты здесь? — Жэнь Цзысянь обвила руками его талию, подняла голову, и в её глазах зажёгся ничем не прикрытый, сияющий энтузиазм.

В обычной одежде Жэнь Цзысянь с книгами в руках выглядела точь-в-точь как самая заурядная студентка, эдакая послушная куколочка.

То, как она холодно и сдержанно общалась по телефону с Ван Ци, составляло разительный контраст с тем, как она вела себя рядом с Линь Цинсуном.

Столь очевидное различие в отношении заставило уголки губ Линь Цинсуна приподняться; настроение его заметно улучшилось, и его большая ладонь мягко заскользила по её спине.

Изначально Линь Цинсун заехал сюда лишь для того, чтобы переодеться, но теперь, когда в его объятиях оказалось мягкое и податливое тело, желание ограничиваться одной сменой одежды пропало напрочь.

— Чего бы тебе хотелось съесть? — Жэнь Цзысянь потянула его за руку вглубь квартиры.

Возможно, из-за необходимости заботиться о пожилых родственниках Жэнь Цзысянь научилась готовить очень рано, и получалось у неё весьма неплохо.

— Всё что угодно, решай сама.

Линь Цинсун наблюдал, как она сменила обувь и быстрым, едва ли не порхающим шагом направилась на кухню. Вдруг он перехватил её за руку, притянул к себе, заключая в кольцо

рук, и склонился для поцелуя.

Жэнь Цзысянь ничуть не сопротивлялась: развернувшись, она обняла его за шею и сама подалась губами навстречу.

Спустя какое-то время она слегка отстранилась — глаза влажно блестели, дыхание было сбитым, а кончики ушей порозовели. Она бросила на него игривый, укоризненный взгляд:

— Чего ты вечно такой нетерпеливый? Давай сначала поужинаем. Хочешь, я приготовлю тебе запечённые бараньи рёбрышки?

— Мм, давай, — подумав, добавил Линь Цинсун. — И еще свинину в кисло-сладком соусе.

Жэнь Цзысянь кивнула и скрылась на кухне.

Линь Цинсун тем временем открыл ноутбук, чтобы заняться делами. Блюда, которые готовила Жэнь Цзысянь, не отличались изысками высокой кухни, это была простая домашняя еда.

Но именно она давала Линь Цинсуну столь редкое ощущение душевного покоя, да и вкусовые качества блюд неизменно приходились ему по вкусу.

Готовила она быстро, и к тому моменту, как Линь Цинсун завершил видеоконференцию, на столе уже красовался дымящийся ужин.

В центре красовались сочные запечённые бараньи рёбрышки и нежнейшая тушеная свинина с идеальным балансом мяса и жира, окружённые четырьмя тарелочками с лёгкими закусками.

Для двоих этого было более чем достаточно.

За окном в тишине шёл мелкий дождик, капли шуршали по оконному стеклу, оставляя за собой влажные дорожки.

Обладающий отменным аппетитом Линь Цинсун смёл большую часть приготовленного. Затем они вместе сложили посуду в раковину, оставив её до прихода приходящей уборщицы.

— Больше всего на свете я не люблю дождливые дни, — Жэнь Цзысянь свернулась калачиком на диване, отсутствующе глядя на непогоду за стеклом.

— Почему? — Линь Цинсун устроился рядом, обхватив её за плечи.

— Впрочем, у сезона дождей есть и свои плюсы, — переведя на него взгляд, ответила она

невпопад. — Когда-то я изучала микробиологию и жила в крайней нужде. Мне приходилось совмещать три подработки: ранним утром до учёбы я разносила газеты, а в часы без пар подрабатывала в круглосуточных магазинах и кофейнях.

Потом заболела бабушка, денег катастрофически не хватало. Я спала всего по четыре часа в сутки, и стоило мне открыть глаза, как в голове билась лишь одна мысль: где раздобыть денег. Я носила домой просроченные сэндвичи из круглосуточного магазина, которые они обычно выбрасывали — чужие объедки становились моим ежедневным пропитанием. Выходила из дома до рассвета, возвращалась в час ночи. И даже при этом заработанного не хватало на медицинские счета. В конце концов ко мне пожаловал хозяин квартиры и предложил подработку гидом. Тысяча юаней в день всего за два часа работы.

— Разве это плохо?

Жэнь Цзысянь рассеянно водила пальцем по линиям на ладони Линь Цинсуна:

— Ой, нанял меня... приезжий студент. Он остановился по соседству всего на два месяца. Сама-то я была не местная, поэтому каждый вечер до потери пульса штудировала путеводители, выстраивала маршруты и заучивала исторические справки о достопримечательностях, чтобы на следующий день запинаящимся голосом водить человека по городу.

Линь Цинсун приподнял бровь, представляя, как Жэнь Цзысянь всю ночь зубрит справочники, а потом с умным видом пересказывает их туристам, и негромко усмехнулся:

— И что было дальше?

— А то, что я несколько раз завела его не туда, да так основательно, что он даже опоздал на самолёт, — тихо рассмеялась она. — Позже выяснилось, что никакой гид ему был вовсе не нужен. Просто я возвращалась домой слишком поздно, а звукоизоляция в доме была плохой, и он из-за этого не мог уснуть.

— И надо же было взять контакты, всё-таки твой благодетель, — Линь Цинсун легонько погладил её за талию.

Жэнь Цзысянь развернулась и легла грудью на его плечо, шепча прямо на ухо:

— А потом он уехал, и мы больше не общались. Жаль, тогда стоило бы попросить его номер.

Линь Цинсун слегка нахмурился. Охваченный уколом ревнивого недовольства, он крепко перехватил её за тонкую талию и ощутимо сжал.

Жэнь Цзысянь весело рассмеялась, вырываясь из его хватки. В её движениях сквозила живая

игривость: ловко перевернувшись, она уселась прямо у него на коленях и легко ткнула пальцем в его грудь:

— Один друг.

Её лукавые глаза сияли от переполняющей нежности, а прикосновения пальцев к его телу обжигали, словно искры.

Наклонившись, Жэнь Цзысянь легко коснулась губ Линь Цинсуна:

— Повторим?

Один друг

Стоило прозвучать этим словам, как пламя вспыхнуло с новой силой. Шум дождя за окном сделался громче, заглушая любые посторонние звуки.

Жэнь Цзысянь досталось сполна: запрокинув голову и обнажив белизну шеи, она прерывисто дышала, а из горла вырывался сдавленный плач, в то же время пальцы мёртвой хваткой вцепились в шею Линь Цинсуна, позволяя ему оставлять на коже новые следы.

При нём она никогда не скрывала своих желаний, каждый раз сводя его с ума.

Сяо Гуй решило, что хозяйку обижают, и принялось яростно скрести когтями дверь спальни, но никому не было дела до этого шума.

Рано утром Линь Цинсун проснулся от будильника. Пошарив рукой рядом, он наткнулся на холодную простыню — Жэнь Цзысянь уже не было.

Сонно приоткрыв глаза, он увидел беззвучно вибрирующий экран телефона, который продолжал и продолжал вспыхивать — звонил Ван Ци.

— Господин Линь, старый господин просит вас заехать.

— То поручение, что я тебе давал, проверили? — Линь Цинсун заговорил так, будто вовсе не расслышал предыдущей реплики.

Ван Ци на мгновение замялся:

— Господин Линь, люди еще работают.

Стоя у окна, Линь Цинсун закурил сигарету:

— Пусть работают как следует, остальное тебя не касается.

Когда Линь Сюэди занимался полевыми раскопками, он пренебрёг техникой безопасности и, вдохнув трупный яд, скончался от бактериальной инфекции.

Тем не менее все обстоятельства указывали членам семьи Линь на то, что смерть Линь Сюэди была лишь несчастным случаем, однако Чжу Цзинлань отказывалась в это верить.

Теперь же, когда Линь Цинсун решил возобновить расследование, его действия неминуемо должны были встревожить людей отца.

То, что отец пожелал с ним встретиться, было вполне ожидаемо.

Одевшись и уже собираясь выходить из комнаты, Линь Цинсун заметил свет в соседней чайной комнате.

Завернувшись в белое покрывало, Жэнь Цзысянь сжалась калачиком на ковре у панорамного окна, прислонившись к дивану.

Рядом на низком столике стояла небольшая глиняная печь с кипящим чайником, испускающим клубы пара и наполняющим комнату ароматом заварки.

Жэнь Цзысянь отсутствующим взглядом смотрела в окно, её распущенные волосы стелились по полу; хрупкая, донельзя утончённая фигура излучала незащитность, а на плечах всё ещё виднелись следы вчерашней страсти.

Смягчившись сердцем при виде столь живописной картины, Линь Цинсун приоткрыл дверь и неслышным шагом вошёл в чайную, но Жэнь Цзысянь даже не шевельнулась.

— Я поехал. Если не выспалась, поспи еще немного, — понизив голос, Линь Цинсун мягко потрепал её по волосам.

<http://bllate.org/book/22422/2354185>